

Ю. Д. Гранин³

РОССИЯ В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Динамика мирового порядка во втором десятилетии XXI века демонстрирует движение к многополярному миру, в котором, помимо прежних (евро-атлантических) центров экономической и политической силы, все более значительную роль будут играть новые политические и экономические альянсы, во многие из которых входит и Россия. Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия–Индия–Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственных интересов которых не обеспечиваются евро-атлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Однако в этой триаде, как, впрочем, и в БРИКС, и в ШОС, Россия, к сожалению, в обозримом будущем не будет

лидировать по многим причинам. Обозначу лишь некоторые.

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, кардинально не меняя системы социальных и политических ценностей. По мнению некоторых ученых, КНР дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»⁴. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы «конфуцианского мегапроекта» Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы»⁵.

Китайское руководство, как и китайские ученые, исходят из того, что современная (евро-атлантическая) форма глобализации является объективным процессом. Но подходят они к ней так, чтобы извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом. Для этого с 2001 по 2010 год Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая, специалистами, рабо-

³ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др.; статей: «Национальная идентичность в глобализирующемся мире», «Глобализация: диалектика исторических форм осуществления», «Модернизация России: в колее “зависимого развития”» и др.

⁴ Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 18.

⁵ Ту Вэймин. Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1. С. 11.

тающими в Китайской академии наук (директор Центра и руководитель группы — профессор Хэ Чуаньци), были подготовлены 10 ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно характеристику общего ее состояния в мире и Китае на соответствующий год¹.

Поражает не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования: разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, они включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран, которые достигли уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 году. Но, учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая, эти цифры должны быть скорректированы в сторону значительного уменьшения.

В 2010 году Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995–2009 годы: быстрее всего наука развивается в Китае, который уже сравнялся с США по количеству научных работников. С тех пор ситуация не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, а в России основные показатели научно-технического развития не растут, а снижаются. Как пишут исследователи, китайские лидеры, признавая необходимость углубления интеграции с международной экономикой, стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость. В результате такой национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в таком количестве, что теперь Китай по уровню ПИИ занимает второе место после США.

Учитывая почти пятикратное превосходство экономики Китая над экономикой РФ, низкий объем торгового оборота между нашими странами (1,67 % от всей торговли КНР), высокий уровень высшего образования в Китае (в рейтинге 200 университетов стран с развивающейся экономикой Россия находится на 4-м месте, уступая не только Китаю, но Индии — 39 и 16 университетов соответственно против российских 15), огромные (более 3 трлн) золотовалютные резервы КНР, можно утверждать, что уже сейчас структура БРИКС выстраивается вокруг Китая, который станет по сути китайским проектом. А Россия в нем будет занимать положение «младшего брата».

Кроме того, все члены БРИКС, за исключением России, являясь импортерами энергоресурсов, то есть потенциальными рынками сбыта для российского сырья. В результате, как и с Западом, сотрудничество через БРИКС не увеличивает вес страны в мировой политике, а ведет к еще большей сырьевизации экономики и увеличению поставок сырья странам, куда потенциально могла бы быть направлена продук-

ция обрабатывающей промышленности. «Даже инвестиции Нового банка развития БРИКС в Россию будут привлечены на проекты по разведке и добыче углеводородного сырья на шельфе и суше согласно сообщению Минприроды России. Директор департамента Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунью заявил, что освоение нефти и газа на территории России — одно из приоритетных направлений для Китая»².

Но важно другое. В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 году была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается правительством прежде всего в технологическом ключе. По мнению некоторых когда-то влиятельных аналитиков, провозглашенная политика модернизации в действительности есть не что иное, как «прогрессизм» — инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющей власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной»³. С тех пор критика правительства со стороны оппозиционных партий только усиливалась, достигнув пика на выборах в Госдуму осенью 2016 года.

Если сбросить со счетов неизбежный в таких случаях популизм, в «сухом остатке» окажется массовое недовольство «либеральным курсом» правительства, его экспертов и консультантов. И основания для этого наблюдения есть. Думаю, большинство из тех, кто принимает финансово-экономические решения, находятся под обаянием либеральных теоретических клише, опирающихся на парадигму одновекторного «линейного прогресса». Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается, так как модель «догоняющего развития», апробированная Россией еще со времен Петра I, не имеет будущего. Необходимо переходить к модели долгосрочного планирования на основе использования собственных цивилизационных особенностей и искоренения пережитков прошлого. В силу экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики, как показывают исследования,

² Кравченко Л. И. Экспансия Китая через институты БРИКС. URL: <http://www.rusrand.ru/actuals/ekspansiya-kitaya-cherz-instituty-briks>

³ Павловский Г. Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46–47. С. 2.

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци, Н. И. Лапина. М.: Весь мир, 2011.

взаимосвязаны и несовместимы с индустриальным характером развития РФ¹.

Следует взглянуть правде в глаза и признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки². Несмотря на то что начиная с нулевых годов Академия наук, разные бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного сделано не было. Зато чиновники лихо занялись «оптимизацией» науки и образования — сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20 % ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика: в 1995 году в России было около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. Согласно прогнозам, в результате бюджетной оптимизации без работы к 2019 году останутся 10,3 тыс. научных сотрудников вузов, РАН и Курчатовского института. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9 %, а в России неуклонно снижается.

В 2013–2015 годах финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд, что отразило истинную суть обещаний властей относительно модернизации. С учетом обострения конфронтации с США и Европой, продолжения мирового экономического кризиса, экономических санкций и роста бюджетных расходов на оборону в 2016 году до рекордных 22,3 % (4,4 % ВВП) от всех расходов очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образо-

вания очевидно. Кстати, дальновидные правительства поступают ровно наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, так как уверены, что только она способна найти эффективные способы выхода из кризиса.

Но у нас, как водится, собственный российский путь в будущее, который, как ни странно, контролируется Западом. Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз фактически втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях задача состоит в том, чтобы, проводя политику просвещенного консерватизма, сделать наше государство «государством развития», избавившись от лишней бюрократии и синдрома постоянного реформирования всего и вся.

Литература

1. *Ань Вэй*. Глобализация и право / Ань Вэй // Вопросы философии. — 2005. — № 2.
2. Глобальные экономические перспективы»: докл. Всемирного банка [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/24467586/>
3. *Гранин Ю. Д.* Глобализация: диалектика исторических форм осуществления / Д. Ю. Гранин // Век глобализации. — 2014. — № 1. — С. 90–103.
4. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее / Д. Ю. Гранин. — СПб.: Экспертные решения, 2014.
5. *Гранин Ю. Д.* Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» / Д. Ю. Гранин // Вестник Российской академии наук. — 2012. — Т. 82. — С. 807–813.
6. *Гранин Ю. Д.* Что такое глобализация? / Д. Ю. Гранин // Высшее образование в России. — 2007. — № 10. — С. 116–121.
7. *Гринберг Р. С.* Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации / Р. С. Гринберг // Век глобализации. — 2015. — № 1. — С. 166–182.
8. *Кравченко Л. И.* Экспансия Китая через институты БРИКС [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.rusrand.ru/actuals/ekspansiya-kitaya-cherez-instituty-briks>
9. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под ред. Хэ Чуаньци, Н. И. Лапина. — М.: Весь мир, 2011.
10. *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради [Working paper]. — М.: Моск. центр Карнеги, 2008. — № 4.
11. *Яковлев А. И.* Страны Востока. Синтез традиционного и современного / А. И. Яковлев. — М.: Восточ. ун-т, 2007.
12. Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.gigamir.net/money/pub2172021>

¹ *Рябов А.* Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working paper. М.: Моск. центр Карнеги, 2008. № 4.

² Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 2 (14). С. 72.